

Исаак Эммануилович Бабель

1894-1940

Биография

Исаак Иммануилович Бабель родился 1 (13) июля 1894 года. Его главные произведения - "Конармия" и "Одесские рассказы". Он стал одним из немногих советских прозаиков, популярных и за рубежом.

Исаак Бабель был из тех людей, которым свойственно создавать о себе мифы. В своей автобиографической прозе он привел массу фактов из своей жизни, вступавших в явное противоречие с официальными свидетельствами.

Детство писателя прошло отнюдь не в бедности. Отец его был крупным купцом, занимавшимся торговлей сельскохозяйственным оборудованием. Мальчик получил великолепное образование, владел несколькими языками (французским, английским, немецким, изучал иврит) даже первые свои рассказы, пятнадцатилетним, он написал на французском.

До революции будущий литератор успевает получить коммерческое образование и даже защитить диссертацию на соискание ученой степени кандидата экономических наук. И в 1915 году он уехал из Одессы в Петроград с фальшивым паспортом и без гроша в кармане. В столице ему удалось поступить сразу на четвертый курс юридического факультета Петроградского психоневрологического института, что дало возможность получить вид на жительство. Там же произошло его знакомство с **Горьким**, который поначалу поддерживал способного юношу и помог опубликовать два рассказа: "Илья Исаакович и Маргарита Прокофьевна" и "Мама, Римма и Алла". Однако последующие литературные опыты Горький не одобрил и, по словам самого писателя, отправил его "в люди".

Творчество

- В 1924 в журналах «Лев» и «Красная новь» опубликовал ряд рассказов, позднее составивших циклы «Конармия» и «Одесские рассказы». Бабель сумел мастерски передать на русском языке стилистику литературы, созданной на идиш (особенно это заметно в «Одесских рассказах», где местами прямая речь его героев является подстрочным переводом с идиша).
- Советская критика тех лет, отдавая должное таланту и значению творчества Бабеля, указывала на «антипатию делу рабочего класса» и упрекала его в «натурализме и апологии стихийного начала и романтизации бандитизма». Книгу «Конармия» подверг резкой критике С. М. Будённый, усмотрев в ней клевету на Первую конную армию. Сталин же считал, что Бабель писал о «вещах, которые не понимал». Горький же высказал мнение, что писатель, наоборот, «украсил изнутри» казаков «лучше, правдивее, чем Гоголь запорожцев».
- В 1926 году выступил редактором первого советского собрания сочинений Шолом-Алейхема, в следующем году адаптировал для кино постановки роман Шолом-Алейхема «Блуждающие звёзды».
- В 1928 Бабель опубликовал пьесу «Закат» (поставлена во 2-м МХАТ), в 1935 — пьесу «Мария». Перу Бабеля принадлежит также несколько сценариев. Мастер короткого рассказа, Бабель стремится к лаконизму и точности, сочетая в образах своих персонажей, сюжетных коллизиях и описаниях огромный темперамент с внешним бесстрашием. Цветистый, перегруженный метафорами язык его ранних рассказов в дальнейшем сменяется строгой и сдержанной повествовательной манерой.
- В последующий период, с ужесточением ситуации и наступлением тоталитаризма Бабель печатался всё меньше. Несмотря на свои сомнения относительно происходящего, не эмигрировал, хотя имел такую возможность, навещая в 1927, 1932 и 1935 годах свою жену, проживавшую во Франции, и родившуюся после одного из этих визитов дочь.

Конармия

На исходе борьбы Красной Армии с Польшей в 1920 переболевший тифом Бабель вернулся в Одессу. Вскоре он начал писать о революции. Материалом стал опыт, приобретенный во время конармейского похода. В 1922-1923 на страницах городских газет и журналов («Вечерний выпуск Известий», «Силуэты», «Моряк», «Лава» и др.) были опубликованы его рассказы, стилизованные под описание «Первой Конной» («Грищук»), а также частью «Одесские рассказы» («Король»). После знакомства в 1923 в Одессе с Маяковским Бабель печатается в Москве в журналах «Леп», «Красная новь», «Прожектор» и др.

Склонный к метафорическому мышлению, уверенный в том, что стиль держится «сцеплением отдельных частиц», Бабель написал в одном из рассказов: «И мы услышали великое безмолвие рубки». Он сознательно пренебрег привычными представлениями, где рубка не могла быть великой, пренебрег и реальностью, где рубка могла только казаться безмолвной. Родившийся художественный образ был метафорой революции в «Конармии».

Завороженность силой масс, оказавшаяся потом, в 1930-е гг., губительной для его сознания и судьбы, в годы, когда шла работа над «Конармией», выступила как всеохватывающий интерес к раскрепощенным, вольным, первозданным силам жизни. Конармейцы были явно героизированы. Воображение читателя поражал их наивно-простодушный и наивно-жестокий взгляд на мир, было неясно, радуют они или пугают автора.

Обогатившись опытом реальной жизни, действительно увидев в революции не только силу, но и «слезы и кровь», Бабель в рассказах отвечал на вопрос, который в дни польского похода записал в своем дневнике: «Что такое наш казак?» Находя в казаке и «барахольство», и «революционность», и «звериную жестокость», Бабель в «Конармии» все переплавил в одном стиле, и казаки предстали как художественные характеры с нерасторжимостью их внутренне сплетенных противоречивых свойств. Доминантой стало изображение персонажей конармейцев изнутри, с помощью их собственных голосов. Писателя интересовало их самосознание. В такой сказовой стилистике были написаны новеллы «Соль», «Измена», «Жизнеописание Павличенки, Матвея Родионовича», «Письмо» и др.

Конармия

Много новелл было написано от имени интеллигентного рассказчика Лютова. Его одиночество, его отчужденность, его содрогающееся при виде жестокости сердце, его стремление слиться с массой, которая грубее, чем он, но и победительнее, его любопытство, его внешний вид — все это биографически напоминало Бабеля 1920 года. Дуэт голосов — автора и Лютова — организован так, что читатель всегда чувствует призыв непосредственного голоса реального автора.

Бабель сочувствует Лютову, как может сочувствовать человек себе прежнему. Однако к своему романтизму Бабель уже относится отчужденно-иронически. Это и создает дистанцию между Лютовым и автором. Дистанция существует и между Лютовым и конармейцами. Благодаря освещению в разных зеркалах — зеркале самовыражения, самопознания, в зеркале другого сознания — характеры конармейцев и Лютова приобретают объем больший, чем если бы каждый из них находился только наедине со своим «я». Становится ясным, что истоки поведения конармейцев лежат в сфере бытовой, физиологической, социально-исторической, в опыте многовековой истории и в ситуации войны и революции.

Бабель хотел найти форму для воплощения временного и вечного в революции, понять связь индивидуального, социального. Он нашел ее в многосложности притчи с ее иносказательным смыслом, скрытым в глубине повествования, с ее философствованием, которое, на первый взгляд, кажется непритязательным и наивным («Гедали», «Пан Аполек», «Путь в Броды» и др.). Подобно многим другим, Бабель воспринимал революцию как «пересечение миллионной первобытности» и «могучего, мощного потока жизни». Но трагическим фоном через всю «Конармию» проходит невозможность слиться, отождествиться с новой силой. Потому-то горькая фраза рассказчика «Летопись будничных злодеяний теснит меня неутомимо, как порок сердца» и воспринималась читателями как стон, вырвавшийся из души самого писателя.